

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ЛXXVIII
НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ IXXVIII

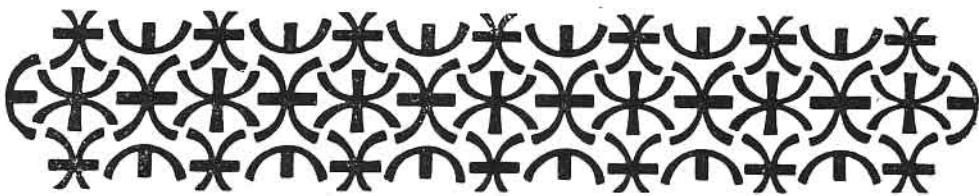
СИБИРСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

IV

*Очерки по истории, хозяйству и быту
народов Севера*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

И. С. ГУРВИЧ

КОРЯКСКИЕ ПРОМЫСЛОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

В 1956—1957 гг. во время этнографического обследования Корякского национального округа нами были собраны некоторые материалы о корякских традиционных промысловых праздниках и обрядах.

Собранный материал не может считаться исчерпывающим, однако, учитывая почти полное отсутствие публикаций по корякским промысловым праздникам и обрядам в русской этнографической литературе, издание имеющихся в нашем распоряжении материалов представляется небезынтересным.

В настоящее время коряки, поднявшиеся за годы советской власти в своем культурном развитии, уже не исполняют архаических праздничных обрядов, молодежь о них обычно и не знает. Но в памяти лиц 50—60-летнего возраста воспоминания о промысловых праздниках еще свежи.

Записанные воспоминания позволяют восстановить корякские промысловые обряды, пережиточно отражающие мировоззрение, уходящее своими корнями в глубокую древность.

В целях наиболее полного освещения корякской праздничной обрядности, принимая во внимание отрывочность имеющегося у нас материала, нами привлечены материалы В. И. Иохельсона, опубликованные на английском языке¹. Ему довелось наблюдать в 1900 г. праздник, устроенный коряками по случаю поимки кита. Использованы и менее обширные, но интересные сведения о корякских праздниках, встречающиеся в описаниях путешественников по Камчатке.

Промысловые праздники береговых оседлых коряков-зверобоев резко отличаются от праздников кочевых коряков-оленеводов. Как отмечал еще В. И. Иохельсон, вся обрядность береговых коряков связана с почитанием морских зверей, тогда как обрядность коряков-оленеводов основана на почитании оленевого стада. В связи с этим представляется целесообразным дать отдельно описание праздничного цикла береговых коряков и отдельно коряков-оленеводов.

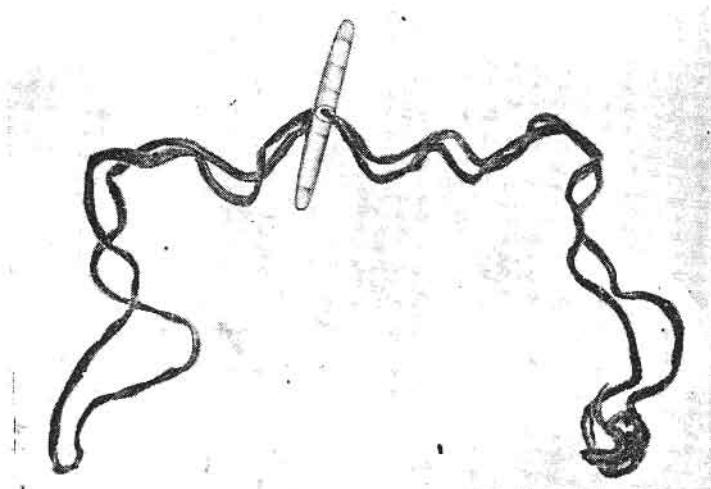
ПРАЗДНИКИ БЕРЕГОВЫХ КОРЯКОВ*

Праздничный цикл береговых коряков сводился к следующим основным церемониям: проводы убитых животных в потусторонний мир, праздники укладки байдар на зиму и спуск их на воду, праздник первой рыбы, праздник первой нерпы и особые праздничные обряды, устраивавшиеся в случае добычи ценных пушных зверей. Все сезонные праздники берего-

* Монография В. И. Иохельсона «The Koryak» (Memoir of the American Museum of Natural History, v. VI, N.Y. 1905—1908) не переведена на русский язык и давно уже стала библиографической редкостью.

вых коряков являлись своеобразным обрамлением больших хозяйственных начинаний — открытие охоты на морских зверей, начало рыболовства и т. д.

Праздник нерпы у олюторских коряков. После сезона охоты, в ноябре, устраивали нерпичий праздник. Каждый охотник заготовлял столько прутьев, сколько он убил в этом году нерп. Прутья очищали от веток и сучьев, но без помощи ножа. Затем прутья прятали на крыше. Перед тем, как занести в дом, прутья перевязывали жгутами травы. Утром готовили лакомство — толкушу (смесь жира с растертыми

Обрядовая гадальная вертушка (коллекция МАЭ № 6355—16)

ягодами, рыбой и кореньями). Прутья мазали этой смесью. Каждый охотник втыкал в земляной пол вокруг костра свои прутья, изображавшие нерп. На праздник собирались родственники, братья со своими семьями. Сообщा устраивали угощение те семьи, у которых нехватало продуктов для организации самостоятельного праздника. Во время праздника женщины и девушки в нарядных кухлянках танцевали, подражая движениям нерп. В конце вечера изображения нерп сжигали. Сначала в костер кидал свой прут хозяин, потом его сосед, потом следующие, затем церемония повторялась. Каждый кидал столько прутьев, сколько убил нерп. Во время сожжения все кричали: «Олле, олле»².

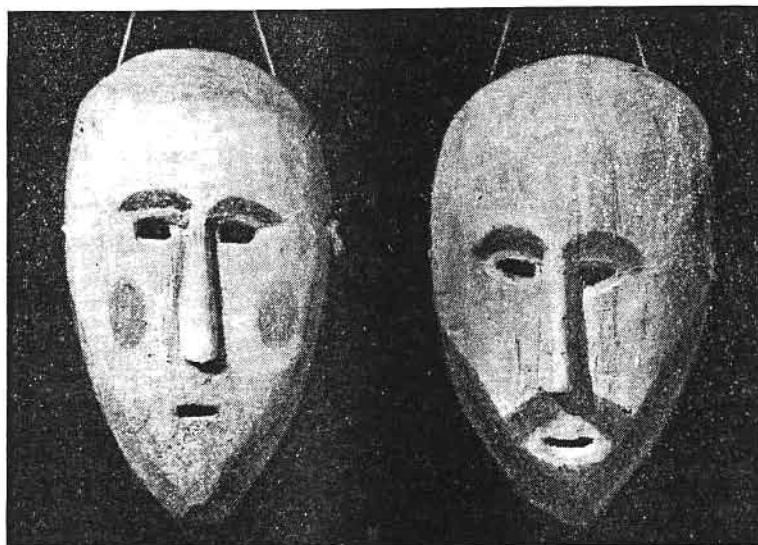
Каждый охотник говорил своей «нерпе»: «Я тебя кладу в костер, ты счастливо отправляйся, не оглядывайся. Вот тебе подарок». Во время сжигания изображений нерп запрещалось проходить между хозяином и входом.

После сожжения «нерп» устраивали гадание. Через дымовое отверстие в юрте спускали вертушку (*malitam*) на длинном ремне с сучком-развилкой — «хозяином» (*talikamak*). Этот снаряд обносили с пением вокруг костра пять-шесть раз, затем ремень зацепляли за столб у входа в землянку, протаскивали через коридор и крутили. «Хозяина» ремня в это время вешали на столб. Если ремень лопался вне землянки, это означало, что нерпы не добрались до родных мест и, следовательно, удача в следующем году не будет. В этом случае на следующий год гадание не произво-

² Объяснить это восклицание наши информаторы не могли.

дилось. А если ремень рвался в землянке, то считалось, что все будет хорошо. Вертушку, «хозяина» и ремни мазали толкушей. Ремень разрезали на части и давали каждому охотнику, но около вертушки оставляли кусок ремня длиною до 30 см.

После праздника нерпы через день-два надевали маски, выдолбленные из дерева, выворачивали одежду наизнанку и ходили в гости друг к другу. Мужчины надевали женскую одежду, женщины мужскую. Маски надевали по дороге, когда подходили к юрте. Навстречу ряженым выходили хозяева. Приехавшие заходили в дома, иногда они вступали в шуточную борьбу с хозяевами. Хозяева старались узнать, кто приехал — заставить снять маски. Если хозяева побеждали, то ряженые свои лица им все

Обрядовые маски (коллекция МАЭ № 6355—30)

равно не показывали, смотреть под маски им не разрешалось. Ряженых в таком случае отпускали, они выбегали из юрты и там их уже узнавали. Старики говорили, что нельзя всех узнать — грех, плохо будет. Те, кого узнавали, заходили к хозяевам, пили чай, угощались. Кого не узнавали, уезжали обратно. Но у таких ряженых были свои преимущества. Если неузнанный ряженый хотел что-нибудь получить, то тихо подходил к хозяину, имея в руках изображение того, что просит (игрушечную наручу, рыболовный крючок, или трубку), вертел это изображение перед хозяином, плевал ему в лицо и протягивал ему изображение. Хозяин должен был отдать просимое, после этого ряженый снимал маску³.

Праздник нерпы у лесновских и каратинских коряков. В октябре, когда охота кончалась, в каждом доме устраивали нерпичий праздник. Распоряжался всей церемонией старший в доме. Утром заготовляли палочки и жгути из травы; жгути волокли вдоль берега к дому. На палочки наматывали траву и обносили с песнями вокруг костра. Заготовляли кушанье из нерпичьих кишок. Вечером палочки и траву сжигали, называли их *мэмэл* — нерпы. В танцах участвовали женщины, они двигали головой то направо, то налево, как нерпы, подражали нерпам, хранили.

³ Сообщено Мулиткой, пос. Выенка, Олюторский район, 1956 г.

Когда сжигали траву и палочки, говорили (нерпам): «Хорошо, благополучно отправляйтесь домой»⁴.

В 1932 г. краткое описание праздника нерпы в пос. Лесное было опубликовано студентом Института народов Севера Н. Нояновым.

Днем участники торжества готовили яства. «Вечером ребята шли за брючьями, чтобы из брючьев сделать тюленей. Идут с топорами в лес, берут кипрей и траву и бросают там, приговаривая: «на, соболь» и так всем зверям. Когда они возвращаются, их не пускают, и они борются».

Сущность праздника, по описанию Ноянова, заключалась в ритуальной встрече и проводах тюленей⁵.

Как выяснилось из расспросов стариков в пос. Лесное, на празднике нерпы провожали в обратный путь и других зверей — горных баранов, медведей. Убивший медведя набрасывал на себя его шкуру и танцевал, подражая движениям медведя, рычал. Изображения горных баранов, медведей в виде небольших деревяшек также привязывали к прутьям и сжигали вместе с нерпами⁶.

На каждый прут прикрепляли два изображения: самца и самки, даже в том случае, когда охотник убил одного зверя. По нашей просьбе в пос. Лесное были изготовлены модели жертвенных нерп и горных баранов.

После окончания церемонии проводов лесновские коряки так же, как и вывенские, устраивали обряд гадания (крутили вертушку), чтобы узнать, как добрались души животных в свой мир.

Хождение в масках лесновцы рассматривали как развлечение, не связанное с праздником нерпы.

Праздник нерпы отмечали и карагинские коряки. В годы коллективизации этот праздник в Караге потерял обрядовое значение. Наши информаторы рассказывали, что в это время перестали производить сожжение изображений нерп. Участники празднества лишь танцевали и крутили ремень с вертушкой. Следует отметить, что кручение вертушки теперь рассматривается, как своеобразное развлечение. Оно приурочивается обычно к Новому Году. Следует указать также на то, что танец нерпы совершенно оторвался от религиозных праздничных обрядов. Этот танец девушки и женщины в кухлянках исполняют под пение присутствующих и аккомпанемент бубна на вечерах, с ним выступают на клубных сценах. В настоящее время можно считать, что бубен превратился в обычный музыкальный инструмент.

В селениях Култунском, Вывенке приходилось слышать от стариков, что в старину коряки устраивали осенью не праздник нерпы, а праздник кита, но разыскать участников или очевидцев этой церемонии не удалось. Этот праздник прекрасно описан В. И. Иохельсоном. В 1900 г. ему посчастливилось присутствовать на празднике кита в пос. Куэл (Петропавловский залив). Так как описание этого праздника опубликовано только на английском языке, мы позволим себе привести его полностью.

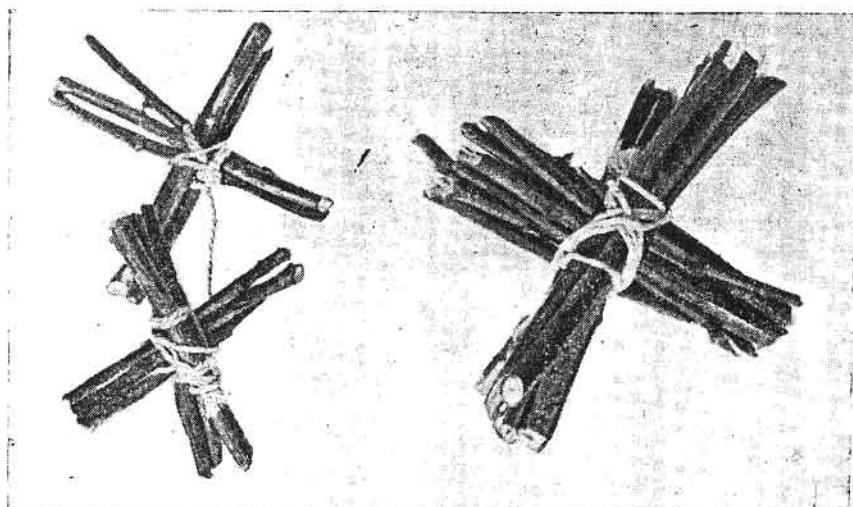
Праздник кита. «Это было 11 октября 1900 г. Недавно был пойман белый кит (белуха-И. Г.) в сети, которые коряк Кайвилок поставил для ловли тюленей. В некоторых местах земля была покрыта снегом. На взморье начали накапливаться глыбы льда, каждый отлив добавлял мокрый лед из соленой воды. Рано утром несколько человек поехали в санях, чтобы привезти белого кита. Когда они возвращались в деревню, везя белого кита, женщины в костюмах для танцев, но без масок, вышли навстречу, чтобы приветствовать его горящими головнями. Они положили их на землю в том месте, где начинался склон ко взморью, вместе с блюдом,

⁴ Записано со слов В. В. Яганова, пос. Лесное, Тигильский р-н, 1957 г.

⁵ Н. Ноянов. Корякский праздник.—«Тайга и тундра» (4), 1932, № 1, стр. 45.

⁶ Записано со слов А. И. Шмагина, пос. Лесное, 1957 г.

наполненным ягодами черники и покрытым жертвенной травой осоки. Поскольку дул сильный ветер, на траву положили камни, чтобы ее не сдуло. Женщины танцевали, тряся головами, двигая плечами, и раскачиваясь всем телом, с руками, вытянутыми вперед, то приседая, то вставая, и напевая: «Ах, пришел гость», и радостно восклицая: «Аля ля, ля, аля, ля, ла хо!» Несмотря на холод и ветер, они были покрыты потом из-за напряженных и резких движений, и голоса их стали вскоре хриплыми от пения и криков. Время от времени то одна, то другая приседали на некоторое время на корточки, чтобы отдохнуть, а затем снова вступали в танец⁷.

Изображения нерг (коллекция МАЭ № 6355—23)

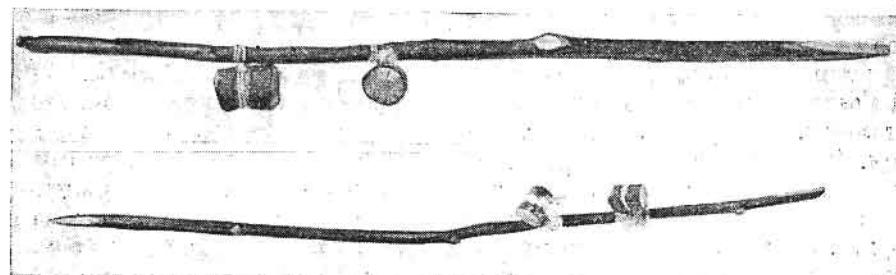
Когда сани с китом достигли берега, женщины вошли в дом, сняли костюмы для танцев и вскоре возвратились с ведрами и корытами, предназначеными для того, чтобы собрать кровь и внутренности, и со связками травы, чтобы расстелить на ней мясо и шкуру прежде, чем их начнут делить. Мужчины сбросили кита с саней на землю. Несколько женщин, среди которых находились две жены и две сестры владельца сетей, в которые попался кит, взяли ветки ольхи и связку жертвенной травы и, нашептав заклинание, положили их в рот белого кита. Нет сомнения, что это была жертва, символизирующая еду, которую дали киту; но значение веток ольхи коряки не могли мне объяснить. «Так делали наши праотцы», — говорили они. Затем женщины очистили травой тело кита и покрыли его голову капюшоном, сплетенным из травы, очевидно, чтобы кит не видел, как его будут резать.

Прежде, чем положить ветки в рот кита, Килюкена, вдова, старшая из сестер Кайвилока, известная в деревне, как самая опытная в произнесении заклинаний, наклонилась над головой кита и с помощью младшей сестры произнесла следующее заклинание:

⁷ Церемония встречи кита олюторскими коряками в свое время привлекла внимание С. П. Крашенинникова: «Прежде нежели потянуть его (кита) к берегу, отправляют шаманство; а как прикрепят его на земле, то, одевшись в лучшее платье, выносят из юрты кита деревянного длиною около двух футов, строят балаган новый и вносят в него деревянного кита, при непрестанном шаманстве в балагане зажигают лампаду (жирину) и приставляя нарочно, приказывают, чтоб огонь не угасал с весны до осени, пока ловля продолжается» (С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 292).

«Создатель сказал: «Я добуду белого кита в качестве пищи для моих детей». — Он пошел и достал его. Затем он сказал: «Я пойду за ольховой веткой». Он пошел и принес ветку. Он принес ветку для кита. Позднее он опять достал белого кита; опять он принес ольховую ветку. Так он делал всегда, и так он охотился всегда».

Затем мужчины распороли кита, а женщины собрали кровь и разделили мясо, сало и шкуру на части. В то же самое время, когда привезли белого кита, другие охотники из поселка принесли кольчатого тюленя, нерпу и морского зайца-лахтака и их включили в последовавшие затем праздничные церемонии. Их тоже разрезали перед деревней. Голова белого кита, так же как и головы обоих тюленей, была укутана в капюшон из травы и помещена на крыше амбара.

Изображения медведя и горного барана (коллекция МАЭ № 6355—29)

Затем жители деревни стали делать приготовления к празднеству. В дневное время на берегу была зарезана собака как жертва властителю моря. Казалось, что вся деревня переселилась в дом Кайвилока, владельца сетей, в которые попался белый кит. Женщины проводили там все время за работой. Они плели дорожные сумки из травы для белого кита, делали маски из травы, приготавливали ягоды и коренья, и т. д. Случайно на этом празднестве присутствовал только один гость из соседней деревни, обычно многие посетители приходят, чтобы принять участие в китовом празднестве. Общественный характер празднества объяснялся тем, что все семьи, принадлежавшие к этой деревне, ставили сети совместно, и мясо морских животных делилось между ними. Только голова и шкура животных принадлежала человеку, в чьи сети попался кит. Но хотя шкура белого кита и не делилась, все принимали участие, когда ее ели в доме Кайвилока. Многие мужчины и женщины во время праздника проводили все время в доме Кайвилока, ели и даже спали там.

Вечером того же дня, 11 октября, состоялся первый праздник в честь гостей (белого кита и тюленей). Когда я вошел в дом Кайвилока, в сопровождении моей жены и Аксельрода, он был полон людьми.

Из дома были удалены покрытые шкурами спальные пологи и постели. Вокруг всего дома, в пространстве между столбами и стенами, женщины были заняты варкой пищи, разрезали ворвань, толкли и смешивали икру и ягоды, резали съедобную траву и корни. Мужчины сидели полукругом около столбов, в то время как молодежь стояла или сидела на земле, около очага. Пространство слева от входа до первого среднего столба не было занято. В этой части дома около стены был жертвеник (*оп-ян*), на котором помещались амулеты, повязанные жгутами из травы: священная доска для возжигания огня, «хозяин» семьи, «хранитель» дома (*яя камакло*), копье, посвященное духу волка, и несколько других, менее важных охранителей. Среди них было деревянное изображение белого кита, перед кото-

рым находилась маленькая чашка, наполненная водой, которую меняли каждый день в течение праздника, а на мешке из травы были маленькие вареные куски поздней, губ, плавников и хвоста белого кита. Маленькая чашка называлась *энахло-кайнин* (для друга чашка). Жертвенные части называются *тайниняво* (желанные куски, т. е. самые отборные). Интересно отметить, что жертва духу животного состоит из частей его собственного тела, между тем как эти части представляют собой также самого белого кита.

В доме было очень тихо. Люди говорили шепотом, и хозяин указал нам на место около жертвенника. Мы сели на бревно,— край спальных нар. Внутренность дома имела странный, таинственный и вместе с тем гнетущий вид. В очаге не было огня; угли только тлели. Восемь каменных ламп на деревянных подставках (число это соответствовало числу семейств, принимавших участие в празднестве) горели чадящим пламенем вокруг всего дома, там, где стена имела наклон; они испускали очень неприятный запах тюленевого сала. Свет их терялся в темноте огромной землянки, самой большой в деревне. Стены, черные от сажи, полностью поглощали свет ламп, и трудно было различить фигуры женщин, занятых варкой пищи. Мужчины и дети сидели неподвижно в центре дома. Все молчали или говорили шепотом из боязни разбудить гостей раньше времени.

Наконец предварительная варка пищи была окончена и все вышли наружу, поскольку во время церемоний этого вечера никому не разрешалось выходить из дома. Вскоре все вернулись и каждая семья принесла связку хвороста. Затем развели в очаге большой огонь, который осветил дом и сделал его менее мрачным, чем раньше. В тишине, которая все еще царила, женщины поставили у огня котлы, принесенные ими из своего дома, и растапливали в них ворвань белого кита и тюленей. Женщины продолжали шептаться между собой. После того, как жир попробывали, они отошли каждая к своей лампе, и смешали жир с нарезанным кипреем. Все это они промололи с сушеною кетовой икрой, с разными сортами ягод—голубикой, клюквой, морошкой и корнями. Добавили немного воды и все вместе замешали в корытах для изготовления толкуши, которую белый кит должен был взять с собой в путешествие. Колобки из толкуши называются *čilqučil*. Когда они были готовы, женщины, представляющие различные семьи, переходили из одного угла в другой и обменивались подарками, состоящими из маленьких кусков этого яства. После такого обмена подарками, хозяин и другие мужчины принесли головы белого кита и двух тюленей и повесили их на поперечной балке по одну сторону очага.

Вдруг молчание было прервано. Со всех сторон дома стали раздаваться радостные восклицания женщин, которые обменивались друг с другом приветствиями: «Вот пришли дорогие гости», «Посещайте нас часто», «Когда вы вернетесь в море, скажите вашим друзьям, чтобы они тоже нас посетили, мы приготовим для них такую же хорошую еду, как для вас», «У нас есть тоже много ягод» и т. д.— и указывали пальцами на толкушку, разложенную на доски. Предполагалось, что огонь из очага представляет собою море, в которое возвращается кит. Амулеты, охраняющие шкуру кита, как это было описано выше, не используются для обратного путешествия белого кита.

Все в доме были сильно возбуждены. Мужчины и дети громко разговаривали и толпились вокруг очага. Вскоре охотники подвесили над очагом для того, чтобы сварить их, печени белого кита и тюленей и шкуру кита. Затем хозяин, с ожерельем из травы вокруг шеи, взял кусок сала белого кита и бросил его в огонь, говоря: «Сағһиčпін (существо нечто существующее), а мы сжигаем это в огне для тебя!» Затем он подошел

к жертвенному, положил несколько кусочков сала между хранителями и смазал их рты салом. После этого все присутствующие в доме принялись за пищу. Они ели сухую рыбу, обмакивая ее в китовый или олений жир. Варили тюленье мясо, жарили шкуру белого кита. Обнаженные тела мужчин, которые сняли свои меховые одежды, возбужденные лица женщин, лица детей, запачканные салом, дым от очага и копоть от ламп — все вместе представляло собой странное зрелище. Заключительной церемонией вечера было гаданье с помощью лопатки кита. Это делали двое старых мужчин. Один держал лопатку, а другой накладывал на нее горящие уголья. Все мужчины рассматривали трещины, которые образовались на кости кита. Сначала появилась трещина, параллельная более длинной стороне кости, что вызвало тревогу среди присутствующих. Такая трещина указывает на сухую землю и горы. Поскольку цель гадания — узнать, вернется ли белый кит в море и позовет ли он других китов посетить поселок, желательным предсказанием являлась линия, указывающая море. К радости всех, принимавших участие в церемонии, вскоре появилась другая щель поперек кости, пересекающая первую линию. Такая линия указывает на море, т. е. означает, что возвращение кита домой будет благополучно.

Церемония снаряжения белого кита в дорогу, домой происходила на пятый день, 15 октября. В течение трех промежуточных дней — с 11 по 15 — жители не работали. Они посещали друг друга и устраивали пиры, но большую часть времени они проводили в доме, где происходили церемонии. Старики ели грибы-мухоморы и, когда опьянение проходило, рассказывали, куда их уносили «люди-мухоморы» и что они видели там. Женщины и молодые девушки пели и били в барабаны.

Вечером 14 было еще одно собрание в доме Кайвилока. На этот раз в доме горели только две лампы. Женщины заканчивали плетение мешков из травы, необходимых для церемонии, а хозяин бил в барабан и пел. Затем его сестры били в два барабана и восхваляли в песне гостей, т. е. белого кита и тюленей, и танцевали в то же время так же, как танцевали на берегу, когда встречали белого кита. Во время церемонии их охватывало такое исступление, что оглушающий рев барабанов был совершенно заглушен их отчаянными криками, перемежающимися с горловым пением. 15 октября был сильный мороз и минимальная температура доходила до -23°C . Больше чем на милю от логое взморье было покрыто глыбами льда, так что высокий прилив не доходил до деревни. Пришла зима, и всякая охота на морских животных прекращалась.

К десяти часам утра меня позвали в дом Кайвилока. Низкая боковая входная дверь, которая закрывается на зиму, все еще была открыта. До сих пор отверстие в крыше служило только для того, чтобы пропускать свет снаружи и выпускать дым изнутри, а не как вход. Очаг был превращен в нечто вроде жертвеннника. На нем лежали мешки для путешествия, сотканные из травы, наполненные толкушкой, куски которой были заморожены снаружи. Головы белого кита и тюленей были помещены на жертвенннике и вокруг них была подвешена жертвенная трава-осока. Был яркий солнечный день, и свет, проходя через дымовое отверстие, освещал центр дома и очаг, оставляя в полуутяме углубления (ниши) вблизи стен. Свет посередине дома позволил мне сфотографировать очаг, не освещая его карманным фонарем.

Обе сестры хозяина дома — Навакут (жена старосты) и Килюкена (известная в поселке своим искусством заклинаний) — надели маски из травы. Они опустились на колени перед очагом, наклонили головы над алтарем так, что их маски покрывали мешки, и произносили заклинания. Недалеко от очага стоял их брат. На нем было ожерелье из травы, но не

было маски. Будучи человеком с «сильным сердцем», он не боялся с непокрытым лицом увидеть духа кита, который, как предполагалось, существует на церемонии снаряжения его в дорогу домой; но женщины, не уверенные в своей силе, были в масках. Перед стоящими на коленях женщинами, на отдельной тарелке, находился маленький жертвенный кусок толкуши, покрытый жертвенной травой, для духа белого кита. Когда заклинания были окончены, женщины встали с колен и сняли маски, а брат их взял тарелку с толкушкой и тщательно осмотрел ее с помощью стариков. После долгих поисков они нашли легкие царапины в двух местах на ее гладкой поверхности и почувствовали себя вполне удовлетворенными, принимая их за следы, оставленные духом, который, очевидно, принял жертву благосклонно. Это указывало, что белый кит возвращался в море, чтобы выполнить поручение⁸. Нежелание белого кита вернуться в море означало бы предзнаменование голода и других бедствий.

После того, как белый кит благосклонно принял жертвы, люди начали отправлять его домой. Двое мужчин поднялись на крышу и спустили в дом длинные ремни, к которым привязали мешки для путешествия и головы белого кита и тюленей. Прежде чем вытащить их наверх, был устроен пробный подъем и оказалось, что они очень легкие. Это было последнее гаданье перед окончательной отправкой белого кита и тюленей домой. В течение трех дней мешки с провизией оставались на крыше. Затем блюда были съедены, а мешки из травы и маски подвешены в маленьком амбаре. С приближением весны их обычно уносят в чащу, где оставляют на земле или подвешивают на ветках дерева. Сжигать их запрещено⁹.

Китовый праздник, на котором довелось присутствовать В. И. Иохельсону, представлял собой двойное торжество: встречу кита (эта церемония проделывалась очевидно при каждой поимке кита) и общие проводы китов, нерп и прочих убитых в данном сезоне морских зверей в море. Последний цикл обрядов у современных коряков носит название праздника нерпы.

Что касается первой части китовой церемонии — встречи кита с блюдом ягод и жертвенной травы, угощение и заклинание, — то эти обряды проделывались и после того, как убивали первую в сезоне нерпу.

Сведения об обряде встречи первой нерпы удалось собрать в пос. Выгенка Олюторского района.

Праздник первой нерпы. «Когда убивали первую нерпу в сезоне, ее вытаскивали на сушу и под ласты и в рот ей клади траву. Когда ее заносили в жилище, то кончик носа обрезали и бросали в костер, приговаривая: «Ты ко мне пришла гостить, живи у меня, когда отправляться будешь, отправлю хорошо до дому».

Охотник, добыв нерпу, берет себе правый ласт нерпы и жир из-под него, брюшной жир. Ластовую кость нерпы хозяин бросает в море, приговаривая: «Не хватило для еды, еще дай».

⁸ По данным С. П. Крашенинникова, олюторские коряки провожали кита весной перед китовым промыслом. Возможно, это делалось для того, чтобы кит позвал своих собратьев именно тогда, когда они нужны. Основными моментами церемонии были принесение в жертву собак, приготовление угощения — толкуши, перенесение изображения кита из балагана в юту-землянку и последующее вынесение изображения из нее. Последняя церемония символизировала уход кита в море. Присутствующие кричали: «Кит ушел в море». В это время на блюде с толкушкой также разыскивали следы кита. Сопоставление краткого описания празднества, сделанного С. П. Крашенинниковым, с описанием В. И. Иохельсона, убеждает в том, что праздник проводов кита в море за полтора столетия не претерпел существенных изменений (С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 292).

⁹ W. Jochelson. The Koryak. Memoir of the American museum of Natural History, v. VI, part I, p. 69—75.

Если кому-нибудь отдает охотник эти части нерпы, удача у него не будет, пропадет его счастье»¹⁰.

К промысловым обрядам должен быть отнесен и обряд заманивания рыбы в реки, или праздник первой рыбы. Этот магический обряд, который в прошлом среди сложных промысловых религиозных церемоний оставался даже вне поля зрения наблюдателей, в последние десятилетия в связи с забвением и упрощением основных промысловых праздников, выступил на первый план. В некоторых селениях береговых коряков этот обряд продолжался еще в 1956—1957 гг.

Праздник первой рыбы. В июне, когда начинается ход рыбы, первую пойманную рыбку разрезали вдоль. Голову с жабрами, плавники, хвост вплетали в соломенную веревку длиной до двух метров. Эту веревку волокли вдоль берега против течения две-три старухи или старики. Делали это для того, чтобы рыба заходила в реку. Те, кто тащил веревку, приговаривали: «Мы тебя посыпаем, чтобы ты рыбку позвала, привела сюда, чтобы в речки и речушки рыба заходила». Веревку подтаскивали к юкольнику и вешали на козлы. В устье реки раскладывали костер. Здесь собирались все участвовавшие в ловле рыбы. Угощались рыбой первого улова. Старейшие играли на бубне, просили хорошего улова, просили, чтобы никто не утонул¹¹.

«В середине августа, когда ловили первую рыбку кету, устраивали у нас праздник. Этой рыбой угощалось все селение. Все шли на берег. Из травы плели веревку длиной в 5 м. К концу привязывали голову первой кеты и волокли веревку по воде вдоль берега против течения. Около юкольника шаман или кто-нибудь из старииков с бубном встречал тех, кто тащил, и произносил наговор. Просил, чтобы рыбы было много. Здесь рыбку варили, все ели и веселились»¹².

«В самом начале сезона, когда начинался ход рыбы, из морской травы плели длинную веревку, привязывали голову рыбы, плавники и хвост и волокли по воде против течения. Сначала волокла самая древняя старуха. Потом каждый понемногу. Так у нас в Лесной здесь делали»¹³.

«Лесновские устраивали праздник первой рыбы (*ынытатыл*). Туловище разрезали пополам, и голову тащили вдоль берега. Все ели рыбу первого улова»¹⁴.

Воспоминания о праздничных церемониях, не связанных со встречей и проводом убитых зверей, крайне расплывчаты. Так, праздник укладки байдар на зиму почти изгладился из памяти коряков восточного побережья Камчатки. Наши информаторы, лица пятидесяти-шестидесяти лет, рассказать о нем ничего не могли. На западном побережье в с. Манила старики припоминали, что раньше, уложив байдары на помосты, «кормили» огонь, убивали собак.

Забвение церемоний, связанных с байдарами, легко объяснимо. В 1956 г. на всем западном побережье было пять байдар, а на восточном — одна, но в открытое море на них уже коряки-колхозники не выходили.

Праздник укладки байдар на зиму в весьма общих чертах описал В. И. Иохельсон. Укладка остовов байдар на зиму производилась вскоре после китового праздника, в первое полнолуние после окончания охотничьего сезона. Празднество носило семейный характер, гостей на него не приглашали. Снимая покрышку с остова, в землянке гасили огонь, и пепел из кострища относили к изображению охранителя поселка. Около остова

¹⁰ Записано со слов Мулитки.

¹¹ Записано со слов Вару. Поселок Вывенка, 1956 г.

¹² Сообщено М. Кайнына, пос. Каменское, Пенжинский район, 1956 г.

¹³ Записано со слов Г. С. Яганова, пос. Лесное, 1957 г.

¹⁴ Записано со слов К. И. Яганова, пос. Лесное, 1957 г.

байдары возжигали новый огонь путем выскривания из доски, изображавшей духа, семейного покровителя. Изображение смазывали жиром и сообщали, что «море замерзло». Затем в землянке разводили новый огонь и закрывали на зиму боковой вход, а в дымовое отверстие — зимний выход — опускали столб с зарубками — лестницу. После этого проделывали церемонию, символизировавшую отправку в путешествие по морю священной жертвенной доски и остова лодки. Значение этой церемонии коряки не могли объяснить. По-видимому, уже в конце XIX в. обрядность, связанная с почитанием байдар, стала исчезать¹⁵.

Н. Н. Беретти, наблюдавший этот праздник у оседлых коряков Охотского побережья в 1920-х годах, сообщил, что главным стержнем этой церемонии было закрытие летнего входа в землянку. Участники празднества погасили огонь в землянке и с горящими головнями направились к морю. Эти головни они побросали в море, затем угощались на берегу толкушой и просили у моря удачи в будущем промысле¹⁶.

Судя по очень беглому описанию Н. Н. Беретти, «праздник укладки байдар на зиму» на Охотском побережье в XX в. имел характер общего отвлеченного благодарения морских сил. Не является ли это результатом забвения промысловой обрядности и деградацией древних корякских верований?

Воспоминания о празднике спуска байдар на воду еще сохраняются среди каменских коряков. Однако никаких особых деталей, отличных от того, что было опубликовано в литературе об этом празднике, нам зафиксировать не удалось. Наши информаторы отмечали только, что «толкушу делали», «байдару кормили», «огонь кормили», «собак резали».

По данным В. И. Иохельсона, это был семейный праздник. После того как на остов байдары натягивали покрышку, перед ней возжигали освященный огонь, сообщая семейной доске-охранителю, что «море открыто»¹⁷.

По сообщению А. Литвинова и М. Поляновского, в это время приносили в жертву собак¹⁸.

ПРАЗДНИКИ ОЛЕИНЫХ КОРЯКОВ

Праздничный цикл коряков-оленеводов состоял из праздников отела, забоя оленей, возвращения стад с летних пастбищ и ряда развлечений (гонок, бегов).

Праздник отела оленей. Этот праздник отмечали все оленеводы.

«Большой праздник устраивали здесь оленеводы-пенжинцы весной в апреле. Одни праздновали, когда начинался отел, другие после отела. Бега весной не устраивали. Весь праздник происходил вне яранги. На угощение забивали оленей, кровь разбрзгивали. Говорили, что так кормят духов (*нинвиков*). В снег втыкали шест, на него насаживали голову жертвенного оленя и морду направляли на восток. Голову оленя украшали яркими жгутами из крашеной перничей шкуры или лентами.

Праздники сопровождались играми: кого-нибудь из участников подбрасывали на шкуре (для этого сшивали две лахтаки шкуры и оплетали их ремнями), мужчины боролись, соревновались в беге с посохами»¹⁹.

¹⁵ W. Jochelson. Op. cit., p. 78.

¹⁶ Н. Н. Беретти. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929, стр. 39—40.

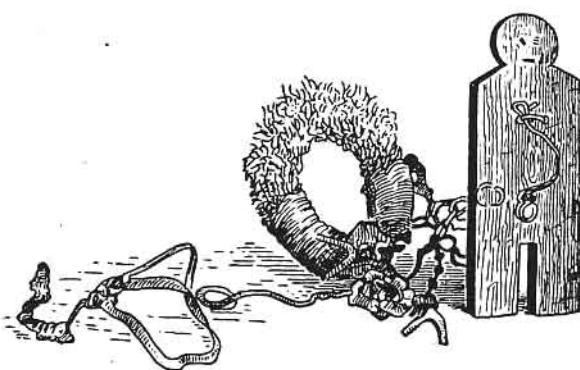
¹⁷ W. Jochelson. Op. cit., p. 78.

¹⁸ А. Литвинов и М. Поляновский. Скачок через столетия. М., 1931, стр. 77, 81.

¹⁹ Записано со слов А. Кайнына, 1956 г.

Более обстоятельные сведения об этом празднике удалось записать в Тагильском районе.

«В марте или апреле, при начале отела, устраивали праздник (эягынын). Утром пред назначенного в жертву олена закалывали копьем. При этом задние ноги оттягивали ремнями и кололи оленя в стоячем положении. Хозяин стойбища зачерпывал кровь из раны и брызгал ею в разные стороны, приговаривая: «Чтобы здоровы все были» (китчемгынын). Голову жертвенного оленя надевали на шест, направляя морду на восток. Затем забивали еще оленей по количеству хозяйств в стойбище. Если было шесть хозяйств, забивали шесть оленей, голову не отделяли от шкуры. Головы этих оленей заносили в ярангу и три ставили с одной стороны костра, три с другой. После этого устраивали игры, развлечения. Во врем-

Доска для возжигания огня

мя праздника «угощали» охранителя стада — гыч-гыя (священная доска); его мазали жиром. К гыч-гыю подвязывали ремень, палочку-посох, деревянную ложку, мисочку»²⁰.

Весенние, летние и осенние праздники. По словам наших информаторов из пос. Лесная, оленеводы перед уходом на летовку устраивали праздник.

Торжество сводилось к тому, что для оставшихся на рыбалке забивали оленей²¹.

Когда доходили до летних пастищ, проделывался обряд возжигания нового огня. Из священной доски — гыч-гыя — высверливали огонь. После этого на ремешке, привязанном к этой доске, завязывали узелок. По узелкам и определяли количество летовок с этим «хозяином». Если теряли оленей, то гыч-гыя ставили на дворе и говорили: «пригони оленей». Затем шли их искать²².

«Когда откочевывали на летовку, на первой стоянке возжигали чистый огонь. Брали дощечку — «хозяина» и высверливали сучком огонь. «Хозяина» просили, чтобы он хорошо смотрел за оленями. Высверливали огонь мужчины. Если огонь не зажигался, то говорили, что кто-нибудь заболеет или умрет. Когда возвращались с летовки, на празднике кормили «хозяина» и делали узелок на ремне, привязанном к «хозяину».

В углубление от высверленного огня клали сало. На доске делали прорези, для того, чтобы сало стекало.

²⁰ Записано со слов Атны Ичуевича, пос. Белоголовое, Тигильский район, 1956 г.

²¹ Записано со слов Д. Д. Яганова, 1957 г.

²² Записано со слов Атны Ичуевича, 1957 г.

Когда растеряются олени (разбегутся от волков), на «хозяина» надевали кухлянку по масти отбившихся оленей. «Хозяину» давали посох. По количеству оленей к сухожильной веревке, надетой на «хозяина», привязывали угольки, зажигали; жила сжималась, угольки подтягивались. Тогда говорили: «хозяин» призывает оленей. Хуркали по-оленни, кричали, а потом уже шли искать.

К «хозяину» привязывали все, что связано с оленями праздниками. Оленеводы на первого родившегося оленя надевали ошейник из тальника. Потом этот ошейник обшивали шкуркой жертвенного теленка. Этот круг и привязывали к «хозяину»²³.

По словам оленеводов с восточного побережья Камчатки, осенью возвращавшееся с летовки стадо встречали с бубном. Навстречу стаду выносили горящие головни, на них клали мех. Готовили толкушку. Угощались²⁴.

Это же подтвердили и лесновские оленеводы: «При возвращении табуна опять устраивали праздник. В это время забивали оленей на одежду. С жертвенного оления снимали голову и втыкали на жердь. Кровь оления разбрызгивали. Так поступали и тогда, когда в стойбище начинался падеж»²⁵.

Зимний праздник оленеводов. Особый праздник устраивался всеми оленеводами в декабре, после зимнего солнцестояния.

«В декабре у нас оленеводы устраивали праздник — *кинтақ*, забивали оленя и готовили особое блюдо — *чичгитал* — тертое вареное мясо смешивали с жиром и приготовляли из этой смеси лепешки. Эти лепешки женщины ночью клали в торбаза каждому члену семьи. Тот, кто просыпался утром раньше всех, кричал: «Вставайте, пастухи пришли. Замерзли от холода. Замерзли мы. Торбаза давайте». Все вставали, вынимали из торбазов лакомства, начинали пир. Били в бубен, произносили заклинания, чтобы зима была хорошая, чтобы олени сохранились. Затем под бубен устраивали танцы. Молодежь подгоняла стадо к ярангам, вылавливала ездовых оленей. Забивали оленей на угощение. Устраивали бега на оленях километров на 25—30. Из нарт образовывали ворота. С обеих сторон стояли люди, кричали. Участники должны были въехать в ворота. Не всякие олени войдут в такие ворота. На палке вешали призы — ремни, жилы, шкуру. Женщины тоже соревновались, бежали наперегонки на встречу к упряжкам. Устроитель убивал своего ездового оленя. При разделке туши голову оставляли со шкурой, обносили вокруг костра и клали около огня головой к костру. Около костра ставили две молодые березки, обозначая ими вход.

После соревнований устраивали пир. Жевали мухоморы, били опять в бубен, танцевали. Ходили вокруг костра по движению солнца. Некоторые подходили к костру и обливали водой голову и шкуру олена (зачем, не знаю). Тот, кто бил в бубен, надевал на себя *гагалю* — праздничную кухлянку. Во время празднества некоторые набрасывали себе на голову волчьи шкуры. В это время все выли по-волчьи.

Во время декабрьского праздника возжигали огонь и кормили «хозяина» оленей — гыч-гыя. Некоторые убивали собак — зверовую или передовую (в жертву духам)²⁶.

«Зимой оленеводы-выленцы устраивали праздник. Соседей приглашали на гонки. Забивали одного оленя. Снимали шкуру с головой и пищеводом, легкими и сердцем. Клали все это за костром. Кровь разбрызгива-

²³ Записано со слов Д. Д. Яганова, 1957 г.

²⁴ Записано со слов Мулитки, 1956 г.

²⁵ Записано со слов Д. Д. Яганова, 1957 г.

²⁶ Записано со слов К. Тке, пос. Палана, Тигильский район, 1957 г.

ли вокруг и говорили: «Пусть будет жизнь хорошая». На этом празднике устраивали игры. Премии развешивали на столбе; когда гонщики уезжали, били в бубен. Забивали еще двух-трех оленей. Мясо этих оленей шло на угощение. После мужчин женщины тоже бегали на перегонки и боролись»²⁷.

Подобный праздник устраивался и пензинскими коряками.

«Когда замерзают реки, у нас устраивали праздник. Родители говорили, чтобы полыньи скорее замерзли. Оленей забивали. Мясо варили. Приготавливали колобки из мяса с костным жиром. Этим угощались. Рано утром возжигали огонь, днем устраивали гонки, бега. Праздник устраивался в полнолуние.

Бега на оленах считались главным развлечением. К ним готовились с ранней осени, выезжали оленей. Иногда тот, который чуть отстал от соперника, вступал с ним в состязание по борьбе. Были соперники, соревновавшиеся из года в год»²⁸.

«Когда после полярной ночи выходило солнце, убивали оленя, голову ставили на шест на восток, кровь разбрзгивали»²⁹.

Таким образом, праздник зимнего солнцестояния отмечался всеми группами оленеводов.

Описанные церемонии были не понятны нашим информаторам. Большинство из них считало, что обряды проделывались для духов. Два рассказчика упомянули, что так благодарили духа — хозяина стада.

По данным В. И. Иохельсона, коряки-оленеводы приносили свои жертвы какому-то «верхнему существу» и в его честь устраивали праздники. Но, возможно, это объяснение появилось под влиянием миссионерских проповедей, и коряки, посвящавшие В. И. Иохельсона в свои обряды, просто пытались приспособиться к представлениям русского человека.

Так или иначе, верования, связанные с обрядами коряков-оленеводов, в отличие от религиозных представлений их береговых собратьев, носят весьма расплывчатый характер. Это явление, нам думается, следует объяснить не отвлеченностью мировоззрения коряков-оленеводов, а тем, что верования и мифы, связанные с этими обрядами, исчезли.

При всех различиях обрядов береговых и оленевых коряков можно отметить и общие элементы. Такими являются: ритуальное возжигание огня, угощение семейного охранителя — огниной доски, кровавые жертвоприношения, причем способы убийства жертвенных животных у тех и других совершенно идентичны, одинаковы и праздничные угощения.

Наконец, как отмечал В. И. Иохельсон, существуют церемонии общие как у береговых, так и у оленевых коряков. К ним относятся обряды встречи и проводов медведя, волка, лисицы³⁰.

Все это свидетельствует о том, что праздничные циклы береговых и оседлых коряков сформировались на основе близких религиозных представлений.

* * *

Корякские промысловые праздники обнаруживают несомненное сходство с праздниками камчадалов, чукчей и эскимосов. Это сходство настолько близко, что можно установить общие праздничные церемонии у этих народов.

²⁷ Записано со слов Мулитки, 1956 г.

²⁸ Записано со слов А. Кыйнына, 1956 г.

²⁹ Записано со слов М. Яганова, пос. Лесное, 1957 г.

³⁰ Коряки-оленеводы (олюторцы, лесновцы), занимавшиеся охотой на морского зверя и рыболовством, устраивали в декабре праздники нерпы. Однако тип хозяйства, свойственный олюторским и лесновским корякам-оленеводам, сложился недавно, и у нас нет оснований проецировать в глубь истории своеобразное «двоеверие» этих коряков.

Так, церемония, описанная у коряков как праздник укладки байдар на зиму, известна у чукчей под названием «жертвоприношение морю». Этот праздник чукчи устраивали, как и коряки, тогда, когда переселялись в зимние жилища³¹. Корякскому празднику кита или нерпы соответствовал у чукчей праздник в честь хозяина моря Кереткуна, отмечавшийся в конце осени — начале зимы. Считалось, что на праздник в качестве гостя является сам Кереткун и принимает жертвы.

Существенным моментом церемонии было жертвоприношение моржевым головам³².

Как отметил В. Г. Богораз, иногда береговые чукчи заменяли празднование в честь Кереткуна благодарственным праздником духам тех морских зверей, которые были добыты в осенний сезон. Во время этого праздника производился обмен подарками. Ранней весной береговые чукчи отмечали так же, как и коряки, спуск байдар на воду, однако летом чукчи устраивали праздник — благодарение за удачную весеннюю охоту. Этот праздник коряки не отмечали³³. Несмотря на различие в деталях, в понимании обрядов корякские и чукотские промысловые праздничные церемонии в своей основе тождественны.

Значительное соответствие наблюдается и между празднествами береговых коряков и эскимосов.

Так, эскимосы отмечали праздник спуска байдар на воду и в это время приносили жертвы морю. После окончания весенне-летнего сезона охоты на моржей устраивали праздник клыков, во время которого «кормили» моржевые головы³⁴. В эскимосском обряде приготовления к охоте на кита, «обмена кита на людские подарки»³⁵, в празднике «торбаза», в имитации охоты на кита, в раскачивании изображения кита над торбазами можно видеть тот же обряд заманивания и проводов кита в море³⁶.

Несомненную близость к корякскому празднику проводов зверей в море обнаруживает один из главных праздников азиатских эскимосов в честь «Большой женщины» — хозяйки моря, соответствующий чукотскому празднику Кереткуна³⁷. Однако в праздниках эскимосов и чукчей значительно более отчетливо, чем у коряков, выступает идея благодарения духов-покровителей. Идея встречи и проводов самих зверей отодвинута на второй план. Значительное место в праздничных церемониях эскимосов, так же как и их соседей — алеутов, занимали торговые операции в виде обмена подарками на празднике, типа потлача³⁸. В корякских праздниках обмен подарками — второстепенная деталь.

Зная корякские праздники, нетрудно интерпретировать описанный С. П. Крашенинниковым камчадальский праздник «Отпущения грехов»³⁹. Этот праздник устраивался 19—22 ноября по старому стилю и состоял из ряда обрядов. Первая часть празднества сводилась к замене старого изображения «покровителя» юрты новым, вторая — втягивание березы —

³¹ В. Г. Богораз. Чукчи, т. II, Л., 1939, стр. 85—86.

³² Там же, стр. 88—94.

³³ Там же, стр. 87.

³⁴ И. К. Воблов. Эскимосские праздники. — Сибирский этнографический сборник, I. Тр. Ин-та этногр., новая серия, т. XVIII, 1952, стр. 322—324.

³⁵ Там же, стр. 326.

³⁶ Там же, стр. 331—332.

³⁷ В. Г. Богораз. Указ. соч., стр. 95; И. К. Воблов описал этот праздник под названием «Крутить» (И. К. Воблов. Указ. соч., стр. 333).

³⁸ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. II СПб., 1840, стр. 85.

³⁹ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 413—427.

являлось, очевидно, своеобразным гаданием о результатах промысла и общем благополучии в предстоящем году⁴⁰.

Последующая церемония — спуск в юрту тюленых шкур с юколой, сладкой травой и жиром, изготавление 55 деревянных болванчиков, которых «угощали», а потом сжигали, по-видимому, символизировала приход душ убитых тюленей и проводов их в море.

Одной из главных церемоний было явление кита. Участники празднества разыгрывали сцену, как мертвого кита клюют вороны и его тушу разделяют камчадалы⁴¹. Не была ли эта сцена извинением перед духом кита, явившимся на праздник? Последующее изготовление толкуши и благодарение огня, возможно, символизировали проводы кита. Значение этого обряда С. П. Крашенинников не объяснил.

Затем были проделаны обряды, очевидно, означавшие приход на праздник духов нерп и волка. Разыгранные по этому поводу сцены являлись, возможно, извинениями за убийство. Так, по-видимому, волку объясняли, почему его убили: он испугал детей, довел их до сумасшествия⁴².

Камчадальские празднества представляли собой цикл обрядов разнообразного свойства. На праздниках проделывались магические обряды для того, чтобы предохранить участников от болезней, обеспечить удачу в промысле путем задабривания злых духов, благодарения добрых, а также ряд обрядов по поводу особых событий, например, по случаю рождения двойни, что рассматривалось как несчастье. Все это отличает камчадальские праздники от корякских, значительно более целенаправленных.

Много общего обнаруживается при сравнении промысловых праздников оленных коряков и их ближайших соседей оленных чукчей. Последние также праздновали возвращение стада с летовки. В это время в стадо также стреляли и бросали головы, чтобы отпугнуть злых духов. Возрождался новый огонь. Забой оленей на шкуры сопровождался жертвоприношениями. Но, в отличие от коряков, чукчи, устроители этого праздника, не водружали голову жертвенного оленя на шест⁴³.

Чукчи-оленеводы в зимнее солнцестояние производили забой оленей на мясо и отмечали это событие особым празднеством, близким к корякскому зимнему празднику оленеводов⁴⁴.

Корякскому празднику отела соответствовал так называемый праздник рогов у чукчей. Он обозначался общим термином — *кильвей*⁴⁵.

Наконец, благодарственные праздники чукчей-оленеводов по случаю удачной охоты, в особенности при добывке дикого оленя-быка, западшего в стадо домашних оленей, напоминают корякский праздник встречи и проводов зверей. Прекрасное описание промыловых праздников чукчей-оленеводов, сделанное В. Г. Кузнецовой, показывает, что эти праздники имели такой же отвлеченный характер, как и праздники оленных коряков⁴⁶.

⁴⁰ Такой обряд еще недавно устраивали коряки, жители пос. Лесное в том случае, если в данном сезоне кто-нибудь утонул. В дом утонувшего втягивали березу, причем одна партия тащила березу в дом, а другая сопротивлялась этому. Если одолевали те, которые тянули березу в дом, то считалось, что утопленников больше не будет.

⁴¹ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 418.

⁴² Там же, стр. 419, 420.

⁴³ В. Г. Богоораз. Указ. соч., стр. 74—77.

⁴⁴ Там же, стр. 78, W. J o c h e l s o n . Op. cit., 86. В отличие от чукчей, коряки, за исключением парапольских, рога оленей не собирали.

⁴⁵ В. Г. Богоораз. Указ. соч., стр. 79.

⁴⁶ В. Г. Кузнецова. Материалы по праздникам и обрядам амгуэзских оленных коряков.— Сибирский этнографический сборник, II. Тр. Ин-та этнogr., новая серия, т. XXXV, 1957, стр. 263—326.

Промысловые праздники имели распространение и по другую сторону Берингова пролива. Не имея возможности проследить, насколько широка была область распространения этих праздников на Американском континенте, все же отметим, что культ кита был известен эскимосам, населению Королевских островов, мыса Принца Уэльского и др. Киту, как и на северо-востоке Азии, давали пить, охраняли его покой в течение праздника, провожали его душу обратно в море⁴⁷. Близость корякских, чукотских, камчадальских, эскимосских и северо-американских промысловых церемоний и обрядов объясняется, нам думается, не только соседством, длительным общением этих народов, но и одинаковым уровнем общественного развития, породившим в специфических условиях севера сходные религиозные представления. Промысловая направленность этих церемоний и обрядов не вызывает сомнений. Однако в литературе неоднократно делались попытки объявить все эти празднества, связанные с почитанием животных или их останков, тотемистическими⁴⁸. При этом часто совершенно упускалась из вида самая характерная черта тотемизма — вера в сверхъестественную связь определенного рода с определенным видом животных или птиц. В большинстве описанных обрядов и церемоний такая связь отсутствует. Обряды по отношению к медведю, лосю, дикому оленю, пушным зверям проделывались не каким-нибудь одним родом, а всеми народностями Восточной Сибири — и сохранившими и не сохранившими родовое деление.

Следует отметить, что тотемистические обряды и представления, сохранившиеся у ряда народностей Сибири, сосуществовали с промысловым культом. Так, северные якуты, долганы до недавнего времени верили в сверхъестественную связь каждого рода с определенной птицей. Почтаемую птицу охраняли, ее запрещалось убивать, женщины-чужеродки должны были «стесняться» животного предка своего мужа. В то же время и северные якуты, и долганы тщательно соблюдали обряды по отношению к останкам промысловых зверей. Пережитки тотемистического культа сохранились наряду с промысловым культом и у азиатских эскимосов. Каждая семья эскимосов имела своего животного покровителя и во время праздника устраивала особый благодарственный обряд в его честь⁴⁹. Однако основное место в церемониях эскимосов занимали промысловые обряды.

Идея всех описанных выше церемоний — не забота о зверином покровителе рода, а магическое переселение душ убитых животных в потусторонний мир с тем, чтобы они обрели плоть и вновь явились к людям в своем первоначальном виде. Наиболее отчетливо эта идея выступает в корякских промысловых церемониях.

Киты, моржи, лахтаки, нерпы, медведи, лисицы, горные бараны, убитые охотниками, согласно зафиксированным обрядам, добровольно приходят к людям в гости. В зависимости от значимости, им оказывается соответствующий почет. Употребление в пищу мяса и жира этих животных не означает их гибель. Соблюдение ряда правил (сохранение некоторых костей животных, снаряжение в обратный путь) позволяет душам убитых зверей, как думали коряки, вернуться в свой мир и обрести прежний вид. Более того, считалось, что в случае хорошего приема убитые звери рассказывают своим сородичам об оказанном им почете и побуждают последних посетить страну людей, т. е. дать себя убить. Убийство животных, таким

⁴⁷ M. Lantis. The Alaskan whale cult and its affinities. «American Anthropologist», 1939, vol. 40, N 3, p. 444—446.

⁴⁸ А. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936.

⁴⁹ И. К. Воблов. Указ. сеч. стр. 321.

образом, не что иное как временное переселение их душ в другой мир, го-щание в стране людей.

При этом на зверей переносили человеческие черты⁵⁰. Их угождали и принимали так же, как гостей — родственников и соседей.

В связи с этим укажем на весьма характерные воззрения коряков на мир животных, отмеченные В. И. Иохельсоном. «Киты, как и все другие животные, образуют племя или скорее семью связанных индивидов, живущих в деревне, как коряки»⁵¹.

Такие же представления были характерны и для чукчей.

«Все звери представляются имеющими свою страну и хозяйство,— писал В. Г. Богораз о религиозных воззрениях чукчей.— Черные медведи живут в подземных жилищах, а у белых медведей есть свои поселки на льду в открытом море; они существуют охотой на тюленей и моржей и организуют для этого целые походы: они строят снежные дома, которые освещают жировыми лампами; вообще их жизнь во всем подобна человеческой»⁵².

С корякскими представлениями вполне совпадают чукотские воззрения на мир морских зверей. «У морских зверей тоже есть большая страна далеко в открытом море. Она расположена по сторонам материка и отделена от земли глубоким потоком, который всегда трястется, как бездонная топь. Этот поток непроходим для тех, кто приходит с земли»⁵³.

Таким образом, согласно архаическим представлениям северо-восточных палеоазиатов, мир животных подобен миру человека. Отличия сводятся к чисто внешним признакам. Коряки и чуки верили, что не только души зверей, но и души людей после смерти уходят из своего мира в мир мертвых и возвращаются вновь в свою страну.

В связи с этим коряки после рождения ребенка производили особое гадание. На треноге подвешивался камень. Присутствующие выкрикивали имена умерших родственников, наблюдая за камнем. Если при выкрике камень покачивался, это считали за свидетельство того, что в новорожденном воплотилась душа того родича, имя которого было произнесено.

«Паренцы верят,— писал К. Бауэрман,— что смерть — временное явление и что покойник вновь рождается и возвращается из «страны мертвых» (*пыненел-су*). Дух покойного обязательно вселяется сначала в более близкого себе родича, а если такого нет, то обязательно в какого-либо из другой семьи, но из «своего» *нымъелгена*» (люди одного поселка).— И. Г.)⁵⁴.

Представления о возрождении душ умерших были не чужды юкагирам, чуванцам, эвенам и даже местным русским старожилам. Камчатские эвены спрашивали у ребенка, только начинавшего говорить, отчего он умер, как он жил на другом свете и по бессвязной болтовне пытались получить ответы на свои вопросы.

⁵⁰ Д. К. Зеленин составил ценную сводку примеров перенесения на мир животных социальной организации людей; таковы — вера в то, что у зверей есть свои зооморфные или антропоморфные хозяева, цари, вера в то, что звери мстят за убийство своих сородичей, требуют свою часть с добычи людей. По его мнению, это пережитки архаических тотемистических воззрений. Однако примеры, приведенные Д. К. Зелениным, свидетельствуют лишь о перенесении на мир животных социальной организации людей и человеческих чувств, т. е. об очеловечивании зверей (см. Д. К. Зеленин. Идеологическое перенесение на диких животных социальной рядовой организации людей.— Изв. АН СССР, отдел. обществ. наук, VII серия, № 4. М.—Л., 1933, стр. 403—424).

⁵¹ W. Jochelson. Op. cit., стр. 66.

⁵² В. Г. Богораз. Указ. соч., стр. 6.

⁵³ Там же.

⁵⁴ К. Бауэрман. Следы тотемического родового устройства у паренских коряков — «Советский Север», 1934, № 2, стр. 73—74.

Внешнее сходство с кем-либо из недавно умерших (например, родимые пятна) рассматривалось как прямое подтверждение возрождения души именно этого покойника. Представления о возрождении душ покойных в младенцах из своего стойбища или поселка, судя по праздничным церемониям коряков, проецировались и на мир животных.

Таким образом, промысловые праздничные церемонии коряков могут быть интерпретированы как обряды возрождения убитых животных, действия, направленные на стимулирование воспроизведения основных объектов охоты.

Сущность праздников палеоазиатов как обрядов воскресения зверей с тем, чтобы их порода не оскучела в будущем, неоднократно подчеркивалась В. Г. Богоразом⁵⁵. Хотя его попытки увязать палеоазиатские представления о магическом возрождении зверей с мифом об умирающем и воскресающем боже, сопоставить весьма разнохарактерные мифы и сказки представляются мало убедительными, а приведенные аналогии — случайными, тем не менее, им правильно отмечена глубокая архаичность чукотских, камчадальских и эскимосских промысловых праздников, направленных на массовое оживление промысловый добычи.

Следы обрядов, имеющих целью возрождение убитых животных, до недавнего времени сохранялись не только у северо-восточных палеоазиатов, но почти у всех народов северной Сибири.

Если в корякских промысловых праздниках эта идея оживления зверей проявляется в открытом и весьма примитивном виде (угощение душ самих животных и проводы этих душ в море), то в праздничных циклах их соседей она усложнена и оттеснена на второй план обрядами благодарения духов-хозяев, духов-покровителей. Отметим, что в недавнем прошлом не только северо-восточные палеоазиаты, но и юкагиры, эвены, эвенки, якуты тщательно оберегали от осквернения черепа и трубчатые кости, свежие головные шкурки лосей, медведей, диких оленей⁵⁶.

Когда разделяли туши оленя, то голову вместе с пищеводом, легкими и сердцем заносили в чум и отделяли эти части тела друг от друга только перед варкой пищи.

Трубчатые кости раскалывали только вдоль. Череп также разрубали вдоль, чтобы достать мозг, а затем обе половинки связывали тальником. Кости лосей, медведей, диких оленей не бросали собакам, следили, чтобы на них не наступали женщины. Обычно кости убитых животных возлагали на помост (*гули, дэлькэн*), а в открытой тундре — на возвышенных местах, и обкладывали камнями, т. е. хоронили. Как известно, «воздушное» надземное погребение было характерно для этих народов в XVII—XVIII вв. Особенно тщательно эти обряды проделывались по отношению к останкам медведя.

Так, юкагиры кости медведя складывали на куруле (помост или амбарчик на сваях), в череп вкладывали стружки вместо мозга и щенку вместо языка. «Твой мозг вот засунули, твой язык вот сделали», — говорили при этом⁵⁷.

⁵⁵ В. Г. Богораз. Указ. соч., стр. 74; В. Г. Богораз. Миф об умирающем звере. — «Художественный фольклор», 1. М., 1926, стр. 74.

⁵⁶ Г. М. Васильевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. «Этнография», 1930, № 3, стр. 57—64; И. С. Гурвич. Охотничьи обычаи и обряды населения Оленекского района ЯАССР. — Сб. материалов по этнографии якутов. Я., 1948, стр. 74—94; А. А. Попов. Материалы по религии якутов б. Вилуйского округа. — Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, вып. XI. Л., 1949, стр. 255—323.

⁵⁷ В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. 1. СПб., 1900 стр. 112; Линденбаум, изучавший в середине XVIII в. быт

Все эти обряды можно объяснить только тем, что им сопутствовали соответствующие верования. Сущность этих верований заключалась в том, что дух убитого зверя при соблюдении ряда правил отправляется в свой мир и обретает свой прежний материальный облик. Отражение этих верований можно видеть в похоронных обрядах эвенов, эвенков и долган. Они употребляли в пищу мясо жертвенных оленей, но тщательно оберегали от повреждения кости, полагая, что в противном случае жертва будет бесцельна.

Интересно отметить, что обряды встречи и своеобразных проводов-похорон совершились до недавнего времени и при поимке пушных зверей — лисиц, горностаев, росомах. Так, северные якуты, эвены, юкагиры в случае поимки лисицы приносили ее тушку в жилье, «кормили» огонь, вкладывали в пасть зверька кусочек жира или смазывали губы лисицы салом, затем укладывали лисицу на почетном месте, покрыв платком или шапкой. В это время в доме надлежало сохранять тишину, чтобы не потревожить покой гостя.

Затем с лисицы снимали шкурку, сообщая ей, что шуба плохая и завертывали тушку в сено, говоря, что надевают новую зеленую одежду. В заключение зверька просили чаще приходить в гости и приводить своих сородичей. Затем тушку выносили и помещали на ветвях дерева или на крыше амбара.⁵⁸

По отношению к некоторым пушным зверям проделывали более сложные обряды: так, верхоянские якуты в случае добычи росомахи отесывали дверную колоду, делали вид, что вносят очень большого и тяжелого зверя. Так поступали, веря, что росомаха очень хвастливый зверь. Тушку хоронили на лабазе⁵⁹.

Широкое распространение обрядов встречи и матических проводов душ убитых зверей свидетельствует об универсальности ныне почти забытого представления о возрождении зверей, явившегося, по-видимому, первоначальной основой сибирского промыслового культа.

охотских пеших ламутов, отметил, что они верили в то, что жизнь из убитого медведя переходит в других медведей (А. Золотарев. Новые данные о тунгусах и ламутах. — Историк-марксист, 1938, № 2, стр. 74).

⁵⁸ И. С. Гуревич. Охотничьи обычай и обряды населения Оленекского района ЯАССР, стр. 88—89.

⁵⁹ Материалы этнографической поездки автора в Верхоянский и Саккырырский р-ны Якутской АССР в 1953 г.